

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАКЛЮЧЕННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ, В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук
кандидат юридических наук
Краснодарский университет МВД России, Краснодар

Аннотация. В работе дается характеристика правового статуса заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, в период до начала Великой Отечественной войны. Отмечается, что система ИТЛ для изоляции «классово-чуждых элементов» сложилась на рубеже 1930 г. Автор анализирует нормы основных актов, определявших правовой статус заключенных – Положение об ИТЛ 1930 г. и Временная инструкция о режиме содержания заключенных в ИТЛ 1939 г. Делается вывод, что с формальной точки зрения условия отбывания лишения свободы в ИТЛ были относительно мягкими, что, однако резко контрастировало с основаниями жестких уголовных наказаний, когда, например, за хищение нескольких колосков с убранного поля могло быть назначено наказание до десяти лет лишения свободы. Кроме того, фактическое положение в ИТЛ также сильно отличалось от декларируемых в указанных правовых актах.

Ключевые слова: правовой статус, заключенные, исправительно-трудовые лагеря, Положение, Инструкция, изоляция, классовый враг.

LEGAL STATUS PRISONERS HELD IN THE FORCED LABOR CAMP, IN THE PREWAR PERIOD

Uporov Ivan Vladimirovich

PhD

Krasnodar University of the MOI of Russia, Krasnodar

Abstract. This paper describes the legal status of the prisoners held in forced labor camps, in the period before World War II. It is noted that the ITL system to isolate the «class-alien elements» developed at the turn of 1930. The author analyzes the basic rules of acts defining the legal status of prisoners - Regulations on the ITL in 1930 and the Temporary instruction on the regime for prisoners in the ITL 1939. Conclusion that from a formal point of view of the conditions of serving imprisonment in the ITL have been relatively mild, that, however, in sharp contrast with the bases hard criminal penalties when, for example, for stealing a few ears of corn from the K-rannogo field could be sentenced to ten years in prison. In addition, the actual situation in the ITL is also quite different from the declared in the specified legal acts.

Keywords: the legal status of prisoners, forced labor camps, regulations, instructions, insulation class enemy.

В апреле 1930 г. СНК утвердил Положение об исправительно-трудовых лагерях [1]. Этот акт являлся подзаконным актом, но фактически это был закон, определявший порядок деятельности ИТЛ, находившихся в ведении ОГПУ (другие места лишения свободы были в ведении Главного управления местами заключения как подразделения НКЮ) и предназначенных для «охраны общества от особо социально-опасных правонарушителей путем изоляции», то есть, фактически, речь шла об изоляции «классовых врагов» - лиц, опасных для советской власти. Тогда же в правовой оборот был включен термин «заключенный» (перестал использоваться в конце 1950-х гг.). Этот акт, на наш взгляд, является исходным при характеристике правового статуса заключенных, содержащихся в ИТЛ, в довоенный период советской истории (статус осужденных, содержащихся в иных местах лишения свободы, определялся более ранними актами, и мы их не рассматриваем).

Положением предусматривалась изоляция «социально-опасных правонарушителей» от общества и при этом должна была «соединяться с общественно-полезным трудом, и приспособлением этих правонарушителей к условиям трудового общежития» (ст. 1 Положения). Все заключенные должны были работать. Однако, как справедливо отмечается в правовой литературе, «в отличие от учреждений, подведомственных ГУМЗ, перевоспитание заключенных среди основных задач лагерей не значилось» [2, с. 166]. Это очень важный момент, и к нему мы еще вернемся.

Рассмотрим ряд норм Положения об ИТЛ, учитывая его важность в контексте нашего исследования в том плане, что именно этим Положением об ИТЛ была задана направляющая исправительно-трудовой политики советского государства в отношении осуждаемых за тяжкие преступления, к которым относились прежде всего «контрреволюционные преступления», а также были сформированы основы правового положения заключенных в ИТЛ. По своей сути, нормы этого Положения об ИТЛ

структурно будут повторяться в ряде актов последующего времени – как предвоенного и военного, так и послевоенного. В Положении об ИТЛ 1930 г. указывалось, что «в зависимости от категории и режима заключенные проживают в специальных помещениях, общежитиях, при предприятиях, на промысле и вне лагерей. Заключенные, плохо влияющие на других или подозреваемые в подготовке побега, могут быть переводимы в одиночные помещения или в специальные общие камеры под особым наблюдением. Лица, упорно нарушающие установленный режим и распорядок, и симулянты могут быть направляемы в штрафные изоляторы и на особые (штрафные) работы» [1]. Таковы были общие условия содержания заключенных. Положение об ИТЛ определяло также ряд специальных условий. Так, определялось, что «заключенным в исправительно-трудовых лагерях разрешаются свидания на основании специальной инструкции Объединенного Государственного Политического Управления. Переписка заключенных происходит с соблюдением следующих правил: а) вся переписка просматривается администрацией; б) переписка заключенных и поступающая к ним корреспонденция может быть конфискована, причем о конфискации объявляется заключенному. Заключенные имеют право получать передачи, почтовые посылки и денежные переводы. Порядок получения посылок и переводов устанавливается инструкцией Объединенного Государственного Политического Управления. Примечание. Получаемые заключенным деньги зачисляются на личный счет и на руки не выдаются» [1]. Довольно четко закреплялись дисциплинарные меры воздействия к заключенным за нарушения, которые налагались начальником ИТЛ в зависимости от правонарушения. В частности, заключенные могли быть подвергнуты: «а) выговору простому или строгому; б) ограничению или лишению права получения передач (посылок) на срок до одного месяца; в) ограничению или лишению права переписки на срок до 3 месяцев; г) ограничению права распоряжения состоящими на личном счете деньгами на тот же срок; д) изо-

ляции в отдельном помещении на срок до 30 суток; е) изменению режима; ж) посылке на штрафные работы на срок до 6 месяцев; з) переводу в штрафное отделение на срок до одного года» [1]. При этом особо оговаривалось, что «условия и порядок применения перечисленных дисциплинарных мер определяются особой инструкцией Объединенного Государственного Политического Управления» [1] (содержание последней раскрыто, в частности, в работе А.Г. Удодова [5]). Отметим еще некоторые вопросы. Так, в части применения оружия к заключенным в Положении об ИТЛ указывалась, что «лица, принадлежащие к составу администрации и охраны лагеря, которым присвоено право ношения оружия, вправе прибегать к действию оружием в следующих случаях: а) для защиты охраняемого поста или лица; б) для защиты самого себя; в) против заключенных, совершающих побег; г) в случае возникновения беспорядка и насильственных действий со стороны заключенных против администрации лагеря. За неправильное применение оружия указанные выше лица подлежат уголовной ответственности. О каждом случае употребления оружия составляется соответствующим должностным лицом протокол с изложением обстоятельств дела, который направляется в Объединенное Государственное Политическое Управление» [1]. Как отмечалось в Положении об ИТЛ, «к заключенным в лагерях, пользовавшимся до вынесения приговора избирательными правами и обнаруживающим исправление, может быть применено условно-досрочное освобождение с поселением в районе данного лагеря на неотбытый срок заключения или без поселения. При переводе заключенного на поселение до срока или по истечении срока заключения место поселения определяется в зависимости от указаний приговора. Если место поселения в приговоре не указано, то оно определяется начальником лагеря» [1]. Представляет интерес регулирование культурно-воспитательной работы. Определялось, что «культурно-воспитательная работа в лагерях должна соответствовать характеру всей исправительно-трудовой системы лагерей с

преимущественным обслуживанием заключенных, происходящих из рабочего класса и крестьянства. Все неграмотные заключенные в возрасте до 50 лет обязаны посещать в свободное время культурно-воспитательные учреждения лагеря. Клубная, театральная, научно-лекционная и иная просветительная работа организуется на основе самодеятельности заключенных» [1].

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что выделяется социальная (классовая) составляющая, а именно речь идет о привилегированном положении заключенных из числа тех, кто имел рабоче-крестьянское происхождение. В то время (1930-й и последующие годы вплоть до начала Великой Отечественной войны) это не имело какого-либо принципиального значения и не оказывало сильного влияния на оперативную обстановку в ИТЛ. Однако в годы войны и особенно после 1945 г., когда в ИТЛ пошел массовый поток осужденных изменников Родины, пособников фашистов, националистов из Прибалтики, Западной Украины и т.д., социально-классовое размежевание внутри ИТЛ буквально разделило заключенных на две половины: 1) так называемые «политические» заключенные (осужденные по политическим статьям, и прежде всего по известной ст. 58-1 – 58-18 УК РСФСР 1926 г. [3], который действовал вплоть до 1961 г.); 2) так называемые «бытовики», или «социально-близкие» для советской власти заключенные, осужденные за убийства, грабежи, хищения чужого имущества и другие общеуголовные преступления. Между ними внутри одного ИТЛ часто складывалась обстановка взаимной неприязни и даже ненависти, были частыми стычки, драки, групповые столкновения. Лагерная администрация обычно принимала сторону «социально-близких» заключенных, предоставляя им определенные льготы (включая больше возможностей для условно-досрочного освобождения), и использовала «бытовиков» для дополнительного давления на «политических»

В крупномасштабных массовых неповиновениях участие в большинстве случаев принимали «политические» заключенные. При этом нужно иметь в виду, что «политические» заключенные и заключенные «бытовики» совместно отбывали наказания в виде лишения свободы в одних ИТЛ на протяжении почти всего периода функционирования ГУЛАГА – исключение составляет период, когда были созданы и функционировали отмеченные выше особые лагеря (с 1948 г.), куда направлялись «политические» заключенные, и где произошли в первой половине 1950-х гг. наиболее масштабные массовые неповиновения заключенных в ИТЛ.

В 1939 г. НКВД СССР издал Временную инструкцию о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР [4], которая вобрала в себя многие нормы Положения об ИТЛ 1930 г. Этим актом определялись основы правового статуса заключенных в рассматриваемый нами период, учитывая, что последующие такого рода акты (1942, 1947 гг.) вобрали в себя все нормы принципиального характера из этого акта. В самом начале закреплялась норма о том, что режим содержания заключенных в ИТЛ призван прежде всего обеспечить «а) надежную изоляцию преступников, осужденных за преступления, предусмотренные уголовным кодексом; б) организацию порядка содержания заключенных в лагере, обеспечивающую наиболее эффективное использование труда заключенных» [4]. Об исправительном воздействии ничего не говорилось – к тому времени советское государство уже определилось, что главное, что требовалось от ИТЛ, это изолировать заключенных от общества и максимально возможно использовать их в качестве дешевой рабочей силы на строительстве крупнейших народнохозяйственных объектов.

Указывалось, в частности, что заключенные в ИТЛ должны размещаться по лагерным пунктам (такowymi могли быть: участок, колонна, командировка), располагаемым вблизи объектов, на которых привлека-

лись заключенные. Территория лагпункта должна была отвечать следующим основным положениям: « а) максимально приближена к месту работ; б) максимально удалена от общегражданских населенных пунктов; в) сухая местность, обеспечивающая естественный или искусственный сток поверхностных вод; г) наличие доброкачественной и удободобываемой питьевой и хозяйственной воды ... должен изолироваться одним из следующих видов ограждения: а) забором из колючей проволоки; б) забором-частоклом; в) сплошным деревянным забором. Для наблюдения и охраны территории лагпункта с внешней стороны устанавливаются посты-вышки для часовых. В мелких подразделениях (командировках, подкомандировках) устройство вышек не обязательно. Для пропуска заключенных в лагпункт и обратно устанавливаются вахты. При большом количестве заключенных на пункте допускается открытие подсобных рабочих вахт» [4]. Инструкцией предусматривалось проживание заключенных в незапираемых бараках, при этом отдельно содержались мужчины и женщины, взрослые и несовершеннолетние, «политические» и «бытовики». Что касается размещения заключенных-мужчин и заключенных-женщин, то нахождение их в зоне досягаемости в одном ИТЛ, несмотря на запреты, нередко было причиной преступлений насильственного характера. Как писал А.И.Солженицын в своем известном «Архипелаге ГУЛАГ», «инстинкт тянул мужчин и женщин друг к другу» [5, с. 542]. И только с середины 1950-х гг. осужденные мужчины и женщины стали отбывать наказание в виде лишения свободы в разных исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ). В рассматриваемых нами массовых неповиновениях заключенных в тех ИТЛ, где имело место их совместное (в разных бараках) содержание, заключенные-женщины также принимали участие. Свидания в общем случае полагалось предоставлять один раз в полгода. Заключенным-«контрреволюционерам» свидания разрешались не иначе как с разрешения начальника ГУЛАГа. По некоторым составам свидания могли быть предоставлены по решению

начальника ИТЛ. Личные свидания предоставлялись с письменной санкции начальника ИТЛ только с прямыми родственниками заключенного (супругой, супругом, родителями, детьми) на срок не более пяти суток (в последующем такие личные свидания были уменьшены до трех суток), при этом не была в порядке преемственности взята норма о том, что начальник ИТЛ может продлевать свидание, если заключенный того заслуживал, то есть в этом плане, как видно, условия отбывания наказания стали несколько строже. Что касается переписки заключенных, то, согласно Инструкции, заключенным в общем случае разрешалась переписка без ограничения. Вместе с тем в отношении осужденных за «террор, шпионаж, измену родине, диверсию, участие в контрреволюционных троцкистских, зиновьевских, правых организациях, а также в других антисоветских преступлениях, перебежчиков, членов антисоветских партий (меньшевики, эсеры и др.)» [4] переписка имела ограничения – допускалось получать (отправлять) письма только раз в три месяца, а в отношении заключенных, которые были осуждены за деяния, не указанные в отмеченном списке, разрешалась переписка один раз в месяц (следует заметить, что в последующие годы переписка будет ограничиваться для всех заключенных вплоть до запрещения переписки в особых лагерях). В ст. 104-137 Инструкции регулировались меры дисциплинарного воздействия на заключенных, при этом должностные лица разного уровня имели неодинаковые полномочия в этой сфере. В частности, начальник Управления ИТЛ имел полномочия налагать одно из следующих дисциплинарных взысканий: « а) лишение свиданий, переписки, передач на срок до 6 месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до 3-х месяцев и возмещение причиненного ущерба; б) перевод на общие работы; в) перевод на штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев, г) перевод в штрафной изолятор сроком до 20 суток; д) перевод в худшие материально-бытовые условия (штрафной паек, менее благоустроенный барак и т.п.)» [4].

В целом правовое положение заключенных, содержащихся в ИТЛ, в довоенный период с формальной точки зрения было, как ни парадоксально, относительно гуманным, что видно из приведенных выше норм. В этой связи нужно заметить, что сравнительная мягкость этих норм резко контрастировала с основаниями жестких уголовных наказаний, когда, например, за хищение нескольких колосков с убранныго поля могло быть назначено наказание до десяти лет лишения свободы с объявлением «врагом народа» (так было, в частности, по печально известному закону от 8 августа 1932 г.). Кроме того, фактическое положение в ИТЛ также сильно отличалось от декларируемых в указанных правовых актах, о чем имеет обширная литература. Поэтому, как видно, правовой статус заключенных в рассматриваемый период характеризуется достаточно противоречиво.

Список использованных источников

1. Положение об исправительно-трудовых лагерях (утверждено СНК СССР 07.04.1930) // СЗ СССР.1930. № 22. Ст. 248.
2. Реент Ю. История уголовно-исполнительной системы России. Рязань, 2006. С. 166.
3. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 60.
4. Приказ НКВД СССР № 00889 от 02.08. 1939 г. об объявлении «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях» // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. М., 2002. С. 456-476.
5. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991. С. 542.